

“Двойник” Достоевского и авторство “Слова о полку Игореве”.

Сергей Шавырин¹

¹Email: serge.shavirin@phystech.edu

АННОТАЦИЯ Рассмотрена тема образа как двойника реальности. Высказано предположение, что “национальный святой и преподобный” двойник Сергия Радонежского, полностью затмил собой национального поэта – создателя “Слова о полку Игореве” и русских народных сказок.

А все-таки жаль — иногда над победами нашими
Встают пьедесталы, которые выше побед.

Булат Окуджава “Былое нельзя воротить...”

СОДЕРЖАНИЕ

“Двойник” Достоевского в контексте поэмы о Великом Инквизиторе. 1

Проблема авторства “Слова о полку Игореве”. 4

“ДВОЙНИК” ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ПОЭМЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ.

Почти любой объект или явление имеют реальную сторону, “как это есть на самом деле”, и ту с которой этот объект или явление видятся, или представляются со стороны, причём таких внешних взглядов может быть даже несколько. Образ может возникнуть самопроизвольно или быть созданным сознательно, с какой-то целью. Чтобы доказать шарообразность Земли, нужен был опыт Магеллана. Видимое движение Солнца по небу отнюдь не означает, что оно вращается.

Артист Александр Демьяненко имел бешеную популярность, но созданный им в кино уникальный образ “Шурика” полностью затмил самого актёра. Демьяненко был брюнетом, но в кино стал перекрашенным блондином. Актёр стал заложником интеллигентного и весёлого студента, создателя машины времени. Никакой серьёзной роли “Шурик” никогда бы не получил, хотя с детства мечтал о “Гамлете”. Возникшая роль-двойник стала диктовать свою волю для актёра.

Булат Окуджава создал в песнях образ небольшой московской улицы “Арбат”, как чего-то совершенно уникального и волшебного. “Арбат Окуджавы” имел большой коммерческий успех и превратил улицу в один пёстрый бутик. Окуджава пел:

Пешеходы твои люди невеликие
Каблуками стучат, по делам спешат...

Сегодняшние пешеходы Арбата – это праздношатающиеся в свободное время посетители ресторанов, кафе и модных магазинов. От тихой улочки, про которую пел Окуджава не осталось ничего. Её современная улица-двойник отправила старушку на вечный покой.

Рис. 1 Аничков мост на Фонтанке в Петербурге. Скульптуры братьев Диоскуров.

Автор известной песни “Тополиный пух, жара июль...” сделал ошибку. Пух от тополей летит в июне, а не в июле, однако слова песни никто менять не будет, хотя это даже не нарушит рифмы. Какая разница когда он летит? Допускать невозможное проще, чем исправлять всеми общепринятое. Никто не будет корректировать писания авраамических религий с целью поставить описанный там процесс творения Вселенной в согласие с современными достижениями астрофизики.

Кумиры, образы-двойники обыкновенных людей, часто создаются с целью поднятия авторитета каких-либо учений. Полвека назад почти в каждом городе СССР центральная или одна из центральных улиц или площадей носила имя Ленина. Ему было поставлено неисчислимое количество памятников. Чтобы возвысить статус в те времена правящей коммунистической идеологии, Ленина, как главного святого, требовалось строго почитать. Имидж-двойник Ленина не имел почти ничего общего с реальным человеком и низвержение кумира стало в 90-е годы одним из самых сильных стимулов для крушения СССР. Оживший памятник может полностью разрушить то, что его создало. Кто сможет противостоять статуе Командора, когда тот захочет пройти “по плитам звеня”?

Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном,
Не пройтись ли по плитам, звеня? –
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

В.С. Высоцкий “Памятник”

Рис. 2 Иллюстрация к “Медному всаднику” Пушкина.
Ф.Н. Бенуа, 1905

В поэме Ивана Карамазова “Великий Инквизитор” из книги Достоевского “Братья Карамазовы”, действие происходит во времена самой жёсткой инквизиции в Испании, в Севилье. Там появляется некто похожий на Иисуса, не “во славе небесной, как молния, блистающая от востока до запада”, а в том самом “образе человеческом, в котором ходил три года между людьми пятнадцать веков назад”. Он воскрешает девочку подобно тому как Иисус в Евангелиях воскресил дочь Иаира: “Талифа Куми и восста девица”. Увидевший это Великий Инквизитор приказывает страже схватить странника и привести в мрачную тюрьму святого судилища. Там старик кардинал детально объясняет Иисусу, почему в живом виде тот является главным врагом церкви и первым заслужил быть сожжённым на костре. Севильская ночь “лавром и лимоном пахнет”, что отсылает к “Каменному гостю” А.С. Пушкина.

В поэме существуют два Иисуса. Один это кумир, аб-

страктный образ, главный святой культа. Другой, это оригинал, появившийся во крови и плоти и способный на какие-то новые слова и поступки. Оживший кумир является самым страшным врагом для авторитета своего двойника. Каким в действительности был исторический Иисус и как именно произошла трансформация живого человека в продукт мифологии, инструмента на службе у церкви, это отдельная большая тема. Существует также мнение, что Иисуса вообще никогда не существовало и это чистый миф. В романе Булгакова “Мастер и Маргарита”, беседа на Патриарших с сатаной, Воландом, Берлиоз рассуждает:

– Нет ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, – в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых.

Однако Воланд настаивает:

Имейте в виду, что Иисус существовал.

Для жизнеспособности любой религии значительно безопаснее если бы прототипа “бога” вообще никогда не было. Нет никаких шансов встретиться с Зевсом, Аполлоном или Яхве. С ними нельзя поужинать, “в Яр заскочить хоть на четверть часа”, однако, если в центре культа живой человек, как в случае ленинизма или христианства, то всё совсем иначе. С Лениным тоже нельзя поужинать, но в результате “гласности и перестройке”, его образ приобрёл реальные человеческие черты, не всегда допустимые для идеального кумира. Сегодня памятник Ленину может поставить только сумасшедший.

Тема трансформации Иисуса сама по себе очень интересна, однако она не отвечает на вопрос: кто именно и с какой целью создал христианство и существует ли “бог”, а если существует, то что он из себя представляет. Многие исследователи исторического Иисуса убеждённые атеисты. Роль мировых религий в становлении и эволюции современной цивилизации особенно очевидна, если взглянуть на историю человечества в самом большом масштабе. Именно авраамические религии определили как именно сегодня выглядит большая часть нашего мира, хотя другие религии также оказали на развитие человечества огромное влияние.

Очень маловероятно, что крупномасштабные религии возникли спонтанно, сами по себе. В беседе на Патриарших прудах, после упоминания о нескольких доказательствах существования бога, Воланд спрашивает своих собеседников:

Ежели бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?

Чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же

может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?

“Боги” разных религий сильно отличаются друг от друга. В исламе бог напоминает милостивого и милосердного султана, в иудаизме он безличен, хотя один раз представился в виде куста, горящего холодным огнём. В этих религиях изображения “бога” запрещены. В христианстве “бог” похож на бродячего иудейского проповедника и здесь на изображения не скупаются. Боги греко-римского пантеона не имели запрета на своё изображение и в этом они ближе к христианам. Изображения античных богов послужили стимулом для развития скульптуры и живописи.

Если “бог” действительно существует и захочет пообщаться с людьми, “поужинать, в “Яр” заскочить хоть на четверть часа”, в каком виде ему лучше появиться? Иван Карамазов заметил, что самым лучшим местом его поэмы могло быть то, почему именно узнают Иисуса на улицах Севильи. Если “бог” решит пройтись по плитам звеня или просто обратиться к людям с каким-то посланием, то как он может себя идентифицировать? Образ “бога” из любой религии это его “Двойник”. При доказательстве своей подлинности оригинал должен будет сражаться с многими двойниками, а создание новой религии породит ещё одного двойника.

С каждым шагом его, с каждым ударом ноги в гранит тротуара, выскакивало, как будто из-под земли, по такому же точно, совершенно подобному и отвратительному развращенностию сердца господину Голядкину. И все эти совершенно подобные пускались тотчас же по появлении своем бежать один за другим и длиною цепью, как вереница гусей, тянулись и ковыляли за господином Голядкиным-старшим, так что некуда было убежать от совершенно подобных.

У господина Голядкина двойник появляется на берегу реки Фонтанки вблизи мостов близнецов, архитектурным завершением которых является Аничков мост, связанный с мифом о братьях-близнецах Диоскуров. Толкования мифов о Диоскурах включали происхождение богов посмертным обожествлением смертных.

Ночь появления двойника описывается в самых мрачных тонах и отсылает к “Медному Всаднику” Пушкина.

Ночь была ужасная, ноябрьская, – мокрая, туманная, дождливая, снежливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всех возможных родов и сортов – одним словом, всеми дарами петербургского ноября. Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец чёрную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощие фонари набережной, которые в свою очередь вторили его завываниям тоненьким, пронзительным скрипом,

что составляло бесконечный, пискливый, дребезжащий концерт, весьма знакомый каждому петербургскому жителю. Шёл дождь и снег разом. Прорываемые ветром струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизонтально, словно из пожарной трубы, и кололи и секли лицо несчастного господина Голядкина, как тысячи булавок и шпилек. Среди ночного безмолвия, прерываемого лишь отдаленным гулом карет, воем ветра и скрипом фонарей, уныло слышались хлест и журчание воды, стекавшей со всех крыш, крылечек, желобов и карнизов на гранитный помост тротуара.

У Пушкина в “Медном всаднике”:

Над омрачённым Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.

Голядкин замечает:

Эка погодка, — подумал герой наш, — чу! не будет ли наводнения? видно, вода поднялась слишком сильно.

Единственное кому не может причинить вреда любое наводнение и стихийное бедствие — это бронзовое скульптурное изображение Петра Великого, *двойника создателя* Петербурга.

И, обращён к нему спиной,
В неколебимой вышине,
Над возмущённою Невою
Стоит с простёртою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Другая отсылка в тексте “Двойника” – к “Фаусту” Гёте.

Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господином Голядкиным и тоже бежала около него бочком, торопливо, поджав хвост и уши, по временам робко и понатливо на него поглядывая. Какая-то далёкая, давно уж забытая идея, – воспоминание о каком-то давно случившемся обстоятельстве, – пришла теперь ему в голову, стучала, словно молоточком, в его голове, досаждала ему, не отвязываясь прочь от него. “Эх, эта скверная собачонка!” – шептал господин Голядкин, сам не понимая себя.

О каком “обстоятельстве” вспоминает Голядкин? Когда Фауст привёл домой встреченного им на прогулке чёрного пуделя, то она приняла человеческий образ Мефистофеля. Фауст был на грани самоубийства, и дьявол предложил ему испытать все радости жизни ценой своей души. В русской литературе прямым аналогом “Фауста” была поэма Жуковского “Двенадцать спящих дев” сильно повлиявшая на пушкинскую поэму “Руслан и Людмила”. С помощью Мефистофеля Фауст становится двойником самого себя. В романе Метьюрина “Мельмот Скиталец” встречаются два Джона Мельмота. Один – молодой человек, как и Евгений Онегин, приехавший принять наследство своего дяди, другой, тоже Джон Мельмот – давно заключивший договор с дьяволом получеловек-полудемон.

В “Евгении Онегине”, характеризуя Евгения, Пушкин упоминает Мельмота несколько раз. Онегин был большим любителем разных масок:

Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?

В конце повести весьма положительный доктор медицины немец “Рутеншпиц” превращается в “Шпицрутен” отправляющий главного героя предположительно в сумасшедший дом. Интересна аналогия с книгой Булгакова “Мастер и Маргарита”. В конце книги сатана Воланд отправляет Мастера вместе с Маргаритой на вечный покой. Обращаясь к ним он говорит:

Неужто вы не хотите днём гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждёт уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет.

Упоминание Фауста здесь примечательно. Воланд у Булгакова это сатана, аналог Мефистофеля. Разговаривая с Берлиозом, Воланд назвался немцем и переходил иногда на речь с акцентом. Отправляя Голядкина в сумасшедший дом, страшный Рутеншпиц тоже упоминает и свет (лихт licht = свет нем.) и слуг и говорит с акцентом:

Ви получаит казённый квартир, с дровами, с лихт и с прислугой, чего ви недостоин.

Квартиру Мастера в реальном мире занимает некто, кого можно сравнить с “двойником”, а сам Мастер оказывается в виртуальном пространстве, “в местах значительно более отдалённых, чем Соловки”. Отсылка Мастера в “дом покоя” на первый взгляд кажется поощрением, а Голядкина наказанием, но по сути это почти одно и то же. В обоих случаях окончательное решение принимает сатана, то есть персонаж откровенно отрицательный. Именно так происходит с реальными людьми и памятью об этих людях, когда место реального человека в мире занимает “пьедестал, который выше побед”. И об этом говорит Великий Инквизитор в своём монологе, описывая искушения страшного и умного духа, духа самоуничтожения и небытия.

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА “СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”.

Ввиду обособленности и в высшей степени оригинальности найденного в конце XVIII века списка “Слова о полку

Игореве” с начала XIX века и фактически по современное время высказывались предположения, что этот текст не “оригинал”, а поздняя подделка. Трудными многих лингвистов в первую очередь А.А. Зализняка было показано, что “Язык “Слова о полку Игореве” — правильный древнерусский XI–XII веков, на который наложены орфографические, фонетические (отчасти также морфологические) особенности, свойственные писцам XV–XVI веков вообще и писцам северо-запада восточнославянской зоны в частности.” Это полностью исключает возможность какой-либо современной подделки.

Рис. 3 Деревянная церковь в Плесе при последних лучах солнца. Исаак Левитан, 1888. Примерно так должен был выглядеть дом Сергия Радонежского.

Опять же ввиду исключительной авторской оригинальности текста трудно представить себе, что простой переписчик XV века, а это обыкновенно были люди малообразованные, станет делать какие-то значительные поправки и “исправления” в поэтически настроенный текст. Самые известные летописи дошли до нас в переписанном виде, но с полным сохранением лингвистических особенностей оригинала. При изучении текста “Слова” эти летописи берутся за эталон языка своего века. Это является продолжением церковно-православной традиции богомазов. Создавая икону, они должны в точности линия за линией, точка за точкой, повторять старый образ. Однако если “Слово о полку Игореве” было создано в XV веке, это не авторский материал и не просто переписка, а именно творческая переделка и где-то исправление более старого материала. В то время только один единственный человек смог бы взять на себя такую ответственность и это был Епифаний Премудрый, называющийся сегодня первым русским профессиональным писателем.

Епифаний стал известен прежде всего созданием житий Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Епифаний, как и Стефан Пермский учились в Григорьевском Затворе в Ростове. После татаро-монгольского вторжения это учебное заведение в стенах Спасского монастыря Ростова взяло на себя роль центрального университета всея Руси. Известно, что Григорьевский Затвор славился своей библиотекой. Делались предположения, что Епифаний

также мог быть автором “Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского” и даже “Задонщины”, однако ввиду сложной политической ситуации на Руси, писатель предпочёл остаться анонимом. Сергей Радонежский родился в Ростове или недалеко от него, поэтому логично предположить, что он тоже обучался грамоте и познакомился с древнерусской литературой именно в этом известном древнерусском университете, а значит он получил лучшее образование, которое можно было получить в то время на Руси.

В “Слове о полку Игореве” делается очень чёткий призыв к объединению всех русских князей против иноземного врага. Такой призыв мог бы быть особенно актуальным только в XIV веке перед Куликовской битвой, поэтому фактическим временем создания первоначального варианта “Слова” должны быть 70-е года XIV века. Яркой индивидуальностью того времени, который призывал к объединению Руси, как следует из его жизнеописания, был Сергей Радонежский и можно предположить, что автором “Слова о полку Игореве” был именно он.

Рис. 4 После побоища Игоря с половцами. В.М Васнецов. Иллюстрация к “Слову о полку Игореве”

Если Сергей учился в Григорьевском Затворе по книгам и летописям XII века, то и язык его должен был следовать грамматике, морфологии и орфографии, которую он получил в недрах библиотеки. Кроме чисто русских текстов, он наверняка был знаком с иноязычной и переводной литературой и в частности хорошо знал кто такой Гомер. Книга Льва Толстого “Война и мир” была написана 160 лет назад и, очевидно, Толстой в войне 1812 года участия не принимал. Битва Игоря происходила за 160-180 лет до предположительного времени создания “Слова о полку Игореве”. Сегодняшний школьник, изучая язык Толстого, будет писать сочинения именно на его языке и в этом ничего особенного нет.

Принципиальные изменения в русском языке стали происходить начиная с XV века, после того как молодое Московское Государство стало провозглашать патриотизм, пафос и торжественность идеи Третьего Рима. Это называют “Второе южнославянское влияние”. Язык “Слова” для современных русского и украинского является общим предком. Только в XV веке начинается разделение этих языков. В жизнеописании Сергея упоминается, что сначала у него были проблемы с грамотой, но потом он

получил грамотность свыше, “от бога”. Это может означать, что занимаясь литературным творчеством Сергей мог допускать серьёзные отступления от общепринятых правил и хотя это не снижало качество его текстов давало право Епифанию редактировать и переписывать некоторые места.

Известно, что Сергей писал преимущественно на бересте. Берёзовых лесов в районе Троице-Сергиевой Лавры достаточно, а пергамент стоил очень дорого.

Толику же нищету и нестяжание имеяху, яко в обители блаженного Сергия и самые книги не на харатиях писаху, но на берестех.

Именно то, что его сочинения писались не на пергамене, а на хрупкой бересте, в итоге привело к тому, что все они были утрачены. Последнее по времени указание на их существование было в описании книг Троице-Сергиева монастыря, составленном в XVII в., где упоминаются «свёртки на деревце чудотворца Сергия».

Для объединения Руси вокруг Московского Государства и укрепления идеи “Третьего Рима” требовались свои отеческие, а не какие-то там римско-константинопольские святые. Такая задача была поставлена перед лучшим писателем своего времени Епифанием Премудрым. Поскольку эта задача исходила от великих князей зарождающегося государства, финансирование проекта было наверняка исключительно щедрым.

В житии Стефана Пермского главным достижением Епифаний ставит его литературно-лингвистические способности и в первую очередь создание пермского языка. При создании жития Сергея Радонежского у Епифания могли возникнуть серьёзные проблемы. Судя по всему, главным достижением Сергея было создание чисто русских национальных сказок, легенд и былин, расходившихся по Руси на бересте с таким же успехом, как и магнитофонные ленты Высоцкого. Практически наверняка так называемые “русские народные сказки”, которые дошли до нас, несмотря на то, что называются “народными”, имели вполне конкретного автора – Сергея Радонежского и в сказке “Руслан и Людмила” учёным котом Пушкин называет как раз его. Предположим, что в наше время кому-то придёт на ум канонизировать в “преподобного” Владимира Высоцкого, особенно если бы он был более лоялен к церкви и религии: действительно, не пропадать же даром его былой фантастической популярности? Как же превратить Высоцкого в “святого”?

Многочисленные попытки доказать, что Есенин не покончил самоубийством, а был убит какими-то “злыми силами”, вызваны желанием церкви взять его в оборот. В рамках религии самоубийц не отпевают и не почитают. Интересно, что жизнеописание Есенина в серии ЖЗЛ, где делается попытка его оправдать, пережила не менее 6-и изданий. Зачем нужна правда, когда ложь значительно выгоднее и приятнее? Однако, книга из той же серии ЖЗЛ Захара Прилепина, вышедшая в 2020 году рассматривает жизнь Есенина, напротив, очень объективно и

Рис. 5 Иллюстрация к русской народной сказке “Иван-царевич и серый волк” В.М. Васнецов.

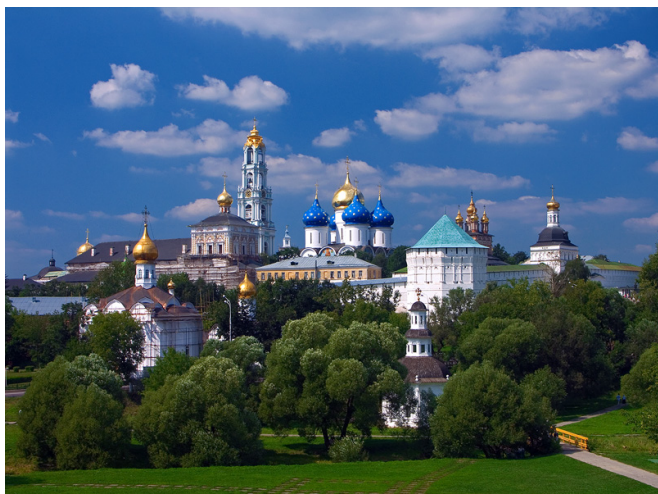

Рис. 6 Троице-Сергиевая лавра, созданная в честь Сергия Радонежского. Двойник сказки.

должна рассматриваться сегодня лучшей книгой на эту тему.

Чтобы наглядно сравнить внутренний мир реального древнерусского поэта и тот пьедестал, который встал над его победами, можно положить рядом два изображения. Одно это картина Васнецова, иллюстрирующая русскую

народную сказку “Иван царевич и серый волк” а другое – современный вид Троице-Сергиевой лавры, созданной в честь памяти Сергия Радонежского. Так предположительно оригинал отличается от своего Двойника.

Не исключено, что жизнеописание Сергия Радонежского, созданное Епифанием, вначале состояло из трёх частей. Первая часть рассматривала юность и зрелость Сергия и была переработана Пафомием Логофетом и Симоном Азарьиным для создания канонического бытия “преподобного”. Они добавили туда традиционные для византийских святых чудеса и целенаправленно обработали с целью возвеличивания роли церкви. Вторая часть, не дошедшая до нас, содержала описание того, чем собственно Сергей и получил в XIV веке широкую популярность: его литературное творчество. “Святой преподобный” и “свободный поэт” – это в общем случае понятия очень далёкие, однако в случае жития Стефана Пермского Епифанию удалось их успешно совместить. В отличие от Сергия, Стефан почти не имел никакого отношения к Москве и московскому истеблишменту, а поэтические отступления от традиционных принципов “святости”, например отсутствие чудес, встречало в случае Стефана Пермского, значительно большую толерантность.

Третьей частью жизнеописания Сергия Радонежского предположительно было “Слово о полку Игореве”, как конкретный пример его творчества. Заказчиком и спонсором работы Епифания наиболее вероятно был сын Дмитрия Донского Юрий Звенигородский. Это его за 6 лет до Куликовской битвы в Переславле-Залесском крестил Сергей Радонежский. Чернец по законам православной церкви не имеет права крестить детей, но не исключено, что крестины были лишь поводом, чтобы пригласить Сергия в великокняжеский дом. На самом деле он был приглашён просто чтобы семье великих князей поглазеть на это всенародно известное чудо. Специально для этой цели Сергей и создал “Слово”. Взяв из Ипатьевской летописи описание похода Игоря, Сергей трансформировал его в поэтический текст, призывающий вырваться за флажки татаро-монгольского ига.

И, об стакан бутылкою звеня,
Которую извлёк из книжной полки,
Он выпалил: “Да это ж про меня!
Про нас про всех, какие к черту волки?!”

Ну всё - теперь, конечно, что-то будет.
Уже три года – в день по пять звонков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел “Охоту на волков”.

Владимир Высоцкий “Прошла пора вступлений и прелюдий...”

Юрий Звенигородский специально попросил Епифания найти и записать текст “Слова”. К тому времени с момента создания этого произведения прошло около 50 лет, а со смерти Сергия 30 лет. Требовалось провести очень большую работу по поиску старых рассыпающихся берестяных грамот и собрать их в один продукт.

Первое, что бросается в глаза при прочтении “Слова” это его пестрота и многоплановость. Возможно это как раз и отражает тот факт, что полного варианта “Слова” вообще не существует и то что создал Епифаний это “лоскутная былина” по большей части состоящая из слов Сергия, однако с добавлениями и исправлениями Епифания Премудрого. Некоторые места в берестяных грамотах возможно были так истёрты, что Епифаний просто использовал “наилучшее приближение”. Он сам называл себя хорошим “изографом”.

Первоначальная попытка канонизировать Сергия не увенчалась успехом. Текст Епифания, описывающий литературную деятельность не сохранился, поскольку для “преподобного” это недопустимо. А вот “Слово” смогло выжить как раз потому, что его авторство было скрыто от блюстителей религиозной благопристойности. Чего стоит только одно упоминание языческих древнерусских богов. Поскольку в “Слове” описываются события XII века, естественно предположить, что и автор жил где-то там... подальше от Москвы.

Единственный и неповторимый вариант “Слова”, созданный Епифанием из разрозненных берестяных грамот Сергия, наверняка обосновался в безопасном для него месте – Григорьевском затворе, где отрока Варфоломея помнили и любили. Во времена Ивана Грозного книги из затвора были переданы в Ростовский Богоявленский монастырь, а может быть куда-нибудь ещё. Так, “Слово” случайно выжило и было найдено в конце XVIII века А. И. Мусиным-Пушкиным. Текст написанный Епифанием, скорее всего, никогда никем не переписывался и мы имеем его в самом неповреждённом виде, однако назвать это произведение “словом Сергия” будет не вполне точно.

В контексте “Двойника” Достоевского и темы “не сотвори себе кумира” нужно рассмотреть постепенный процесс трансформации национального поэта и сказочника в бессловесного святого. Появление Сергия со своими литературными опусами в религиозном и княжеском обществе традиционных ценностей было наверно подобно появлению Голядкина на бале у Берендеева на дне рождения его дочери. Интересно, что село Кучково, будущая Москва, располагалась между двумя “жилыми урочищами” — Голядь и Берендеево. Значит Клара Олсуфьевна должна сравниваться в контексте повести с Москвой и Московским государством, к которым был так равнодушен самозванный поэт. У Достоевского есть описание похожей истории, когда в “Идиоте” князь Мышкин объявился в доме у Епанчиных для смотрин в качестве жениха Аглаи. Примерно так же Сергей объявился в 1374 году в Переяславле Залесском у Дмитрия Донского и его выступление наверно напоминало монолог князя Мышкина. Разве такой “больной человек” мог бы стать церковным лидером государства?

В конце вечера у Епанчиных у князя Мышкина начинается припадок падучей болезни. Когда Голядкина выкинули на улицу, то стоя на берегу Фонтанки он был в таком плохом состоянии, что уже начинал подумывать о смерти. Из жизнеописания Сергия Радонежского извест-

но что вернувшись из Переяславля Залесского он очень сильно заболел и не исключено, что это была психологическая болезнь типа депрессии.

Я шёл домой — под утро, как старик, —
Мне под ноги катались дети с горки
И аккуратный первый ученик
Шёл в школу получать свои пятёрки.

Ну что ж, мне поделом и по делам —
Лишь первые пятёрки получают...
Не надо подходить к чужим столам
И отзываться, если окликают.

Владимир Высоцкий “Мне в ресторане...”

Чтобы вылечиться от депрессии Сергей начал заниматься строгой монастырской практикой, благодаря которой и стал знаменит впоследствии, как “преподобный старец”. Это можно сравнить с решением Фауста испытать все прелести жизни. Возникает двойник поэта – монашеский подвижник. Женихом Клары Олсуфьевны наверняка станет некий Владимир Семёнович, один из гостей на дне её рождения, юноша, который был “более похож на старца, чем на юношу... до какой высокой степени может благонравие довести человека!” Медленно, но верно, монашеский подвижник полностью вытесняет поэта из жизни и в конце концов Рутеншиц, доктор душ человеческих, которому так откровенно доверял Голядкин свои сокровенные мысли в начале повести, превращается в Шпицрутен и отправляет поэта на вечное поселение под вишнями, чтобы вечером слушать музыку Шуберта.

Именно по этой причине сегодня никто не может найти автора “Слова о полку Игореве”.

В 1877 г. в “Дневнике писателя” Достоевский писал по поводу “Двойника”: “Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил...”.